

ПОЛИТИКА ВОДВОРЕНИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В

Барбенко Я. А., – аспирант

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Статья посвящена рассмотрению опыта управления процессом крестьянской колонизации в южной части Приморской области во второй половине XIX в. Автор предлагает периодизацию политики водворения крестьян, раскрывает особенности реализации планов заселения в сложной политической и социальной обстановке русского Дальнего Востока XIX в.

The article is devoted to consideration of experience of management of process of country colonization in southern part of Primorskaya oblast in second half of XIX century. Author offers periodization of politics of a peasant`s settlement, opens feature of realization of the plans of settlement in complicated political and social conditions of Russian Far East of XIX century.

Большая часть истории Дальнего Востока России — история его заселения. Крестьянское переселение сюда, особенно в XIX в., имело не только социально-экономическое, но и политическое, а также военное, значение. В силу удалённости дальневосточных территорий (в частности — Приморской области) и сложности природных и социальных условий начальной колонизации, правительство играет в освоении пространств Дальнего Востока одну из главных ролей.

Под водворением крестьян следует понимать последнюю, завершающую стадию переселения, которая заключается в размещении переселенцев, строительстве жилья и организации угодий, обзаведении хозяйством, получении результатов труда — урожая, улова и т. д. «Водворение» до сих пор используется в науке как слово из естественного языка, поэтому обратимся к близкому по времени описываемых событий источнику. В. И. Даль определяет водворение следующим образом: «Водворять, водворить кого, поселить, отвести место, усад, двор под избу, устроить для постоянного жительства» [1]. Водворение — переходный этап от кочевой к

оседлой (или, по Н. А. Крюкову, полуоседлой¹) жизни переселенцев.

Первый, и наверное самый главный, аспект водворения — это выбор места поселения, так сказать «оседание на почву». Вопросу исследования критериев выбора характера местности для вселения посвящена одна из моих предшествующих публикаций [3]. Народное переселение избирало места близ воды — по русской традиции это были реки [4; 50], открытые, безопасные, легкодоступные. Таких мест в Приморской области было предостаточно, особенно в Уссурийском крае. Однако крестьянское переселение в Приморскую область контролировалось государством на всех этапах и потому сам процесс миграции русских сюда вполне может быть определён как государственное переселение [5; 47]. Каким же образом государство в качестве одного из определяющих факторов переселения смотрело на проблему водворения крестьян в Приморской области и решало её?

Рассматривая государственную политику переселения и водворения русских крестьян в Приморской области в XIX в., можно выделить по крайней мере три её качественных этапа. **Первый этап** связан с выходом Российской империи на Амур в середине XIX в. и ограничивается второй половиной 50-х годов: **1855 — 1861 гг.** Учитывая специфику социальных отношений в России того времени, можно считать водворение в рамках данного этапа насильственным — переводом части зависимого населения из сибирских в дальневосточные земли; однако здесь имеются нюансы, о которых будет сказано ниже. Путём утверждения крестьян на Амур военное начальство преследовало такие цели: а) заполнение, занятие территории как таковой; б) обеспечение поддержки сообщения вдоль Амура; в) продовольственное обеспечение войск и администрации на Амуре [6; 1].

---

1 Н. А. Крюков считал, что переизбыток земли играл отрицательную роль в истории хозяйства переселенцев, которые не желали окончательно осесть на определённом месте, но постоянно стремились найти лучшие условия, что сказалось не только на хозяйстве, но и на психологии приморских крестьян [2; 133 и след.].

Места для крестьянских селений, отстоящие друг от друга на 20 – 30 в. по правилам почтовой гоньбы, выбирал сам Невельской [6; 5] и покинуть стратегическое место без разрешения начальства крестьяне не имели права [7; 36 — 37]. Вместе с тем, в отличие от переселенцев последующих лет колонизации, крестьяне, насильно поселяемые в указанные места, получали в собственность [8; 415] земельные наделы площадью от 21 десятины на душу [8; 421]. Следует помнить, что на Амур в данный период шли добровольцы и попадали в зависимость уже как новосёлы [9; 109]. В связи с неудобством для крестьян жизни на Нижнем Амуре, многие семьи с некоторого времени начинают тайком выезжать из Приморской в Амурскую область [9; 25], но с 1865 г. наблюдается и обратный процесс [10; 118 об.].

Итак, первый этап политики заселения Приморской области характеризуется следующими чертами: добровольный выход мигрантов из мест первоначального поселения, директивное размещение крестьянских семей, собственность крестьян на землю, директивное хозяйствование переселенцев.

Второй этап относится к периоду **1861 — 1882 гг.** Это время расширения географии русского крестьянского расселения по Приморской области. Основное отличие данного этапа от предыдущего – свободное вселение. Убедившись в том, что военный интерес не может служить основой размещения земледельческого населения, а также решив задачу овладения Амуром, администрация отказывается от политики навязывания мест вселения. Крестьяне теперь имеют возможность самостоятельно выбирать место жительства. Это приводит к неоднократным переездам крестьян внутри области и даже одной округи [10; 115 об., 118 — 118 об.].

Далёкие и неудобные места нижнего течения Амура (от оз. Кизи до устья) переселенцев не привлекали, но известным в Приморской области потенциальным районом колонизации оставался только Амур, вернее – уз-

кая полоска земель вдоль его русла. Таким образом, в начале 60-х годов открывается заселение Амура от устья Уссури и далее вниз по течению, был основан ряд селений в Софийском (позже Хабаровском) округе.

Нормативная основа второго этапа имела следующий вид. К компонентам политики вселения могут быть отнесены а) правила расселения крестьян, распределения их по селениям и б) правила наделения землёй. В соответствии с «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» от 27 апреля 1861 года предполагалось, что указанные земли могут заселяться как отдельными семьями, так и целыми обществами [11; 192]. При этом размер обществ устанавливался не менее чем в 15 семей, норма наделения землёй – до 100 десятин на семью [11; 192]. Помимо этого, закон позволял свободный выбор мест вселения, провозглашая право пользования землёй первому, заявившему о своём желании [11; 195]. Предполагалось между арендуемыми, используемыми или приобретёнными в собственность участками оставлять государственные земли [11; 195]. Приоритет в заселении отдавался прибрежным землям и, судя по описанию в тексте закона, Южно-Уссурийскому краю [11; 196]. Территории в районе Уссури пользовались особыми условиями при их заселении на фоне остальных земель Приморской области: поселенцы в Уссурийском крае имели право продажи неиспользуемой или казённой земли, а жители других районов – нет. Эта льгота, однако, относилась только к обществам переселенцев и не касалась отдельных семей [11; 193 — 194]. Кроме этого, отдельное хозяйство обязано было освоить весь отведённый ему участок земли в пятилетний срок, в противном же случае правительство имело право его (участок) изъять у такого хозяйства [11; 194]; указанная норма к целым обществам, очевидно, не относилась.

Обобщая изложенное, можно наметить следующий подход прави-

тельства к проблеме заселения Приморской области. Переселенцы (а это, без сомнения, должны быть земледельцы – в условиях России скорее всего крестьяне), свободно выбирая места вселения преимущественно в Уссурийском крае, расселяются целыми обществами (готовыми селениями, но не смежными), получая при этом очень большие наделы земли. Те, кто желают поселиться отдельным хозяйством, хутором, не имеют права распоряжаться государственной землёй, даваемой им во временное пользование, и рискуют остаться без излишков, не обработанных в весьма короткий срок. Те, кто желают поселиться вне Уссурийского края, лишаются возможности распоряжаться государственной землёй, даваемой им в пользование. При этом все переселенцы пользуются одинаковыми податными льготами и нормами наделения землёй [11; 192 — 193]. Недавно приобретённый, окраинный и пустынный, но очень важный во многих отношениях район следует заселять земледельцами в ряде несколько удалённых друг от друга (и, следовательно, занимающих большую общую площадь!) селениях.

Таким образом, можно видеть, что правила вселения в Приморскую область для земледельческого населения преследовали цель занятия как можно больших площадей. Местная администрация пошла ещё дальше центральной, превратив 100-десятичную квоту наделения землёй семей переселенцев из максимума в норму. Из литературных источников [9; 33] известно, что минимальная (душевая) норма наделения землёй составляла 15 десятин, а максимальная (семейная) – 100. Думается, что отказ от минимальной нормы [12; 12 — 13] имел два значения: политическое – скорейшее заполнение территорий хозяйствующим населением, процедурное – упрощение наделения землёй переселенцев и, следовательно, снижение затрат администрации на обеспечение вселения.

Если не принимать во внимание невысокий приток русских в При-

морскую область на данном этапе, то можно сказать, что прописанная в «Правилах...» 1861 г. политика вселения вполне воплощалась в действительность.

Итак, уже отмечалось, что характерная новация политики администрации в отношении заселения Приморской области 60-х – начала 80-х гг. – отсутствие принуждения: крестьяне продолжали селиться по Амуру, поскольку не знали сначала иной земли, но позже отмечается отток населения северных округ на юг – в более благоприятный Южно-Уссурийский округ [6; 2]. Разрешение крестьянам на вторичное переселение выдавалось при условии того, что новым местом жительства были бы земли Приморской области [9; 25]. Тем не менее, следует отметить, что и такие свободы давались далеко не всем, поскольку власть была по-прежнему заинтересована в заселённости Амура. Известно различие «расселенных... вдоль... берегов Амура... наиболее с целью содержания почтового сообщения» и «водворившихся по свободному выбору... в Южно Уссурийском крае», относящееся к 1870 году [13; 187 — 187 об.]. Однако и существо «свободно выбора» становится несколько неясным, если учесть следующий комментарий Пржевальского относительно приключений переселенцев, в конце концов осевших в начале 60-х в Турьем Роге: «Эти крестьяне пришли на Амур в 1860 г. ... и были первоначально поселены на левом его берегу... Затем, когда это место оказалось негодным, потому что его заливают водой, тогда через год их перевели на правую сторону Амура; но когда и здесь разлитие реки затопило все пашни... этих крестьян поселили на северо-западном берегу оз. Ханка...» [14; 91]. Из того, что крестьяне-переселенцы в данном отрывке выступают в страдательном лице, вполне следует несомытельность их размещения. Хотя имеются чёткие указания на то, что крестьянское селение Турий Рог было основано свободными переселенцами по их собственному выбору — данная форма высказывания Пржеваль-

ского симптоматична. Таким образом, пережитки первого этапа вселения оставались и на втором, что можно объяснить как преимущественно военно-политической колонизацией Амурского края Россией во второй половине XIX в., так и малолюдьем земель Приморской области на изучаемом отрезке времени.

В рамках второго периода вселения начинает заселяться Южно-Уссурийский край. Здесь политика администрации была более мягкой: селение Турий Рог, возникшее в 1863 г, было основано крестьянами, самостоятельно испросившими разрешение на переселение и выбравшими место [9; 25]. На противоположном конце края в 1860 г. возникает селение Фудин, также избранное ходоками с Амура [15; 533]. Русское командование, заинтересованное в скорейшем заселении Южно-Уссурийского округа, не только не стесняло здешних иммигрантов, но и объявило о возможности переезда сюда семей из Амурской области при денежной поддержке властей [9; 110]. И это притом, что в целом на данном этапе государственная поддержка переселения не предусматривалась [16; 23].

В Южно-Уссурийском крае переселенцы расселялись свободно – без указки администрации, – однако их выбор определяли условия среды. В 60 – 70-е гг. определяется ареал преимущественного вселения в Южно-Уссурийский край, это наиболее выгодные долины притоков Японского моря – Сучана, Майхэ, Суйфуна, а также окрестности оз. Ханка. Для данного региона эти участки являются оптимальными для размещения сельских хозяйств. Русское командование, заинтересованное в скорейшем заселении Южно-Уссурийского округа, не только не стесняло здешних иммигрантов, но объявило о возможности переезда сюда в Амурской области при денежной поддержке администрации [9; 110]!

Второй этап политики заселения Приморской области характеризуется сменой норм и методов управления переселением и водворением;

здесь уживаются как старые насильственные и новые либеральные меры, обобщая – добровольный выход, директивное и свободное размещение, для некоторых районов возможная собственность на землю, директивное и свободное хозяйствование.

Третий этап, связанный с массовым вселением крестьян в Приморскую область, длится с **1883 по 1900 гг.** Если первые этапы характеризуются так сказать «шатанием» в политике администрации в отношении свобод вселения – от полукрепостнических методов водворения до предоставления полной свободы выбора мест вселения, – то данный отрезок отличается «сбалансированностью» подходов местной администрации к вопросу вселения крестьян. С некоторыми оговорками (которые будут представлены ниже) данный отрезок может быть назван этапом управляемого вселения. Вселение крестьян в Приморскую область и расселение по ней в 80 – 90-е гг. продолжалось на прежних принципах, заложенных «Правилами...» 26 марта 1861 г.

Практика администрирования крестьянского вселения в область на данном этапе действительно может быть определена как «управляемое вселение», поскольку именно с начала 80-х гг. (1882) существует Переселенческое управление [17; 7 об.], в связи с этим проводятся землеотводные работы, определяющие границы крестьянского землевладения, что требует усиления корпуса землемеров и чертёжников. Это в бóльшей или меньшей мере обеспечивало уход за переселением и водворением крестьян, организацией условий для укоренения и развития их хозяйства. Таким образом, существуют, и вполне весомые, основания для того, чтобы период начала 80-х – конца 90-х годов был выделен в качестве самостоятельного. Несомненно, своеобразное пересечение выявленных этапов, как по методам, так и по принципам осуществления политики вселения. Так, первым двум этапам присуща сходная политика осуществления водворения крестьян, свя-

занная с насильственным «посажением на землю». В то же время, второй и третий этапы близки по нормам вселения, исходя из «Положения...» 1861 г., – каждый из выделенных этапов имеет собственный набор отличительных признаков.

На протяжении большей части изучаемого периода для практики управления водворением крестьян характерными чертами были следующие: а) *отсутствие подробных планов местности* и, соответственно, – *необходимость изучения и оценки земельных угодий непосредственно в процессе размещения крестьян* [9; 89]. Справедливости ради следует отметить факт разведывательных рейдов чинов Переселенческого управления для предварительной оценки потенциально заселяемых территорий [18; 72 — 91 об.]. Более того, подробная съёмка местности и формальное наделение землёй (межевание) специально уполномоченными на это чинами проходило чаще всего уже по факту вселения и оседания крестьян на территории [18; 87. 19; 22 об. — 23. 20; 2]; б) *недостаток кадров для обеспечения размещения крестьянских семейств и их хозяйств, разбирательства возникающих споров* [21; 11 — 12]². Всё это затрудняло водворение крестьян и создавало условия для претензий государства к крестьянам и противоречиям между обществами по поводу правильности размещения селений и отвода (захвата) земель.

Надо отметить, что в источниках, отражающих собственно процесс вселения крестьян и момент их «распределения», нет чётких указаний на размеры вновь создаваемых обществ – количество семей, должных основать новое селение. Возможно, это связано с характером используемых в исследовании документов (главным образом это крестьянские прошения по земельным вопросам), однако в сочинениях Заведующего переселением

---

2 Следует указать, что с точки зрения опыта управления крестьянским вселением начала XX века, условия работы переселенческих чиновников конца XIX в. и эффективность их службы расценивались удовлетворительно [22; 100 — 101].

Буссе также нет чётких указаний на цифры, имеющиеся в «Правилах...» 1861 г.

Так, наиболее точное указание встречается в постановлении комиссии по определению границ наделов крестьянских обществ в составе областного землемера, секретаря Переселенческого управления и представителей окружной и волостной администрации. Эта комиссия решала вопрос о праве на существование деревни Воскресенской; факт того, что последняя располагала наделом на 50 семей, положительно решил судьбу деревни [21; 50]. Данное обстоятельство позволяет заключить, что такое количество семей вполне даёт селению право на существование. Далее, к моменту окончательного межевания в Воскресенке проживало 14 семей [21; 14], что серьёзно сокращает масштабы селения, но вполне сопоставимо с нормами 1861 г. Более того – в момент (правда нелегитимного, самовольного) основания Воскресенки там обосновалось всего 7 семей, в то время как в соседнем (легитимном) Спасском – 14 [21; 44]. Данный пример показывает, что в целом политика местной власти вполне соответствовала существующим нормам, ведь основатели и Спасского, и Воскресенского принадлежали к одной партии и одновременно направлялись в одну местность. Однако засельщики сами внесли поправки в практику водворения и раскололись на две части (обе в дальнейшем некоторое время составляли одно общество [21; 9]). Учитывая то, что, несмотря на своеволие и нарушение распоряжений начальства, Воскресенка была сохранена, можно заключить: местная администрация более следовала духу, чем букве закона, поскольку дополнительной (помимо величины надела) причиной сохранения Воскресенки было стремление поддержать уже утвердившиеся хозяйства крестьян [21; 27].

В целях прояснения общей ситуации обстоятельств возникновения крестьянских селений, можно привести статистику для ряда деревень в от-

ношении количества семей-основателей (см. Таблицу 1).

ТАБЛИЦА 1. КОЛИЧЕСТВО СЕМЕЙ-ОСНОВАТЕЛЕЙ КРЕСТЬЯНСКИХ СЕЛЕНИЙ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ (80-Е ГГ. XIX В.) [9; 34 — 39]

Название селения	Год основания	Количество семей-основателей
Барабаш-Левада	1884	15
Смячи	1886	3
Новоселище	1884	18
Девица	1886	16
Поповка	1885	1
Григорьевка	1883	27
Новожастково	1885	39
Вознесенка	1885	23
Павловка	1883	20
Спасское	1884	40
Воскресенка	1886	11
Прохоровка	1887	13
Алтыновка	1889	5
Дмитровка	1887	20
Черниговка	1886	29
Халкедон	1889	45
Монастырище	1887	3
Воздвиженка	1883	30
Струговка	1884	15
Борисовка	1883	27
Глуховка	1885	2
Раковка	1883	28
Городечня	1883	8
Нежино	1885	7
Гордеевка	1884	13
Варваровка	1884	20
Ширяевка	1884	13
Ивановка	1883	26
Николаевка	1883	43
Даниловка	1885	12
Кремово	1885	21
Ляличи	1885	27
Попова Гора	1883	9
Новохотуничи	1886	12
Многоудобное	1884	15

Название селения	Год основания	Количество семей-основателей
Майхинское	1883	43
Речица	1884	6
Романовка	1884	11
Петровка	1884	17
Фроловка	1885	26
Новицкое	1884	18
Перетино	1884	39
Унаши	1884	31
Голубовка	1884	27
Екатериновка	1886	6
Новолитовское	1889	12

Приведённый материал показывает, что в 80-е гг. среднее количество семей-основателей для отдельного селения составляло 19 – 20, хотя при этом конкретные показатели колебались от 1 (Поповка, 1885) до 45 (Халкедон, 1889). В это же время Ф. Ф. Буссе приводит следующие нормативные показатели: от 10 до 25 [9; 35]; другой источник уточняет это условие: «Переселенцам по их прибытии было предложено разделиться на общества, придерживаясь по возможности нормы в 25 семейств...» [12; 124]. Для оценки политики администрации, используя имеющиеся данные, можно установить количество «нелегитимных» при основании селений, то есть таких, которые были основаны менее, чем 15 семьями.

Итак, если принять, что селения, основанные менее чем 15 семьями, являются по закону нелегитимными, то политику местных властей следует признать весьма либеральной: около 40% селений (см. Табл. 2) основано крестьянами по собственной инициативе наперекор наставлениям начальства, более того – явно незаконно. То, что начальство пошло навстречу таким засельщикам (Воскресенка являет собой очень яркий пример), объяснить можно следующим образом. Во-первых, 80-е годы – время массового вселения крестьян в Приморскую область, а это значит, что даже «неукомплектованные» селения в близкой перспективе имеют возможность во-

брать в себя должное количество жителей. Во-вторых, как уже отмечалось, местная администрация не обладала достаточным числом кадров, а потому не могла отслеживать живой ход вселения и гибко реагировать на отклонения. В-третьих, местное начальство было заинтересовано в распространении русских по области и в этом отношении, учитывая первое из называемых обстоятельств, только выигрывало от самоуправления крестьян.

ТАБЛИЦА 2. СООТНОШЕНИЕ СЕЛЕНИЙ, ЛЕГИТИМНЫХ И НЕЛЕГИТИМНЫХ ПРИ ОСНОВАНИИ, 80-Е ГГ.

Условный статус селений	Количество селений	% селений
Легитимные селения	28	60,9
Нелегитимные селения	18	39,1
Всего	46	100

Самовольное основание заимок и целых селений было не только распространённым явлением, но и признавалось администрацией, которая видела в данном случае свою задачу в том, чтобы привести такие населённые пункты в известность и (что немаловажно!) включить их жителей в систему государственных и иных повинностей [23; 3 об. 24; 96 об. — 97].

В соответствии с правилами 1861 года население должно было распределяться по территории области с интервалами – между наделами крестьянских селений должны были оставаться свободные государственные земли. Практика же говорит о несколько ином подходе. Ф. Ф. Буссе, раскрывая нормативы, отмечает, что между деревнями необходимо оставлять расстояние не менее 10 верст [9; 35], что вряд ли предполагает существование между крестьянскими наделами свободных государственных земель. Об этом говорят и другие случаи – при организации крестьянского селения Спасского поселенцам дано было указание «селиться в одно месте» [21; 18 об.], т. е. компактно. Однако задача скорейшего заселения, заполнения территории осознавалась на месте не менее чем в столице [9; 34].

В данном свете особое место занимает вопрос о компактности кре-

стьянских наделов в общих интересах заселения. Как известно, в Приморской области, как и в целом на Дальнем Востоке, крестьяне, избалованные изобилием угодий, стремились приобрести лучшие земли, которые размещались «не сплошь». Однако, чтобы не допустить перекоса в качестве наделных земель у разных обществ, упростить очертания границ общественных крестьянских наделов и уплотнить размещение населения (в смысле его рациональной плотности), ответственные лица, занимавшиеся наделением землёй, стремились умерить аппетиты крестьян-захватчиков: «принимая во внимание что местность позволяет образование самостоятельного селения при устье Сандугана, признается целесообразным не подходить к устью реки Сандугана с Ширяевским наделом ближе семи верст...» [24; 7] (из решения землеотводной комиссии).

Закрывая вопрос о практике управления размещением населения, необходимо остановиться на нюансе подселения новоселов в уже существующие деревни. Проблема состоит в том, что и перед переселенцами, и перед администрацией стоял выбор: подселяться к уже существующим обществам, и разрешать такое подселение соответственно, или основывать отдельные селения, и покровительствовать новым селениям. В целях скорейшего заселения пространств Южно-Уссурийского края Буссе предлагал (или рассматривал в качестве потенциального средства) наложить запрет на приселение к существующим обществам [9; 34]. Вместе с тем по данному вопросу Крюков отмечает: «Число вновь явившихся переселенцев и количество возникших поселений не находилось между собою ни в какой связи» [2; 112].

Самый ответственный этап вселения – наделение землёй, поскольку от сбалансированного надела с правильно и справедливо определёнными границами зависело и благополучие новосёлов, и их отношения с соседями и властью – в целом же успех всеобщего процесса колонизации и освоения

целого региона. Каким же образом осуществляется процесс наделения угодьями на месте, в полевых условиях? В целом можно отметить следующие узловые моменты: а) разделение территории Приморской области на две зоны заселения – Уссурийский край и остальные земли как привилегированные и стандартные территории по условиям заселения; б) приоритет массового вселения целыми обществами перед отдельными семьями; в) норма наделения землёй – до 100 дес. на семью.

По первому узловому моменту следует отметить, что такое разделение территорий области изначально преследовало цель привлечь поселенцев на вновь приобретённые земли. К началу 80-х гг. эти земли уже не были «вновь приобретёнными», но были достаточно известны, более того – они оказались по своим условиям более привлекательны в природном и более доступными в транспортном отношении, чем амурские. Соответственно, льгота на приобретение земли в Уссурийском крае теряет свою поощрительную функцию, становясь скорее приятным сюрпризом для тех, кто и на Амур-то не собирался. Однако льгота эта по причине переизбытка земель в Южно-Уссурийском крае крестьянами не использовалась [2; 133, 136 — 140].

Следующий из заявленных аспектов получает более широкое распространение в практике водворения крестьян. Тяга приморцев к основанию заимок отмечается применительно к концу века, однако и выражаются обоснованные сомнения в распространённости этого явления [9; 134]. Другой, несколько более поздний, источник наоборот отмечает «склонность» приморцев к основанию заимок [25; 21], однако население их считается нестабильным [25; 22]. Естественно, что «общественное» расселение не было догмой – это вытекает и из «Правил...» 1861 г. Всё диктовали природные условия: земли, которые могут вместить целое селение, не должны распределяться по отдельным семьям, хуторам. Те же участки, которые в

силу своей площади не могут быть использованы для размещения целого общества, могут быть отданы под хутора [18; 84].

Следует указать на то, что практика заимочного расселения смогла укорениться в крестьянской среде не ранее того момента, когда доля русского населения достаточно увеличивается до того, чтобы крестьяне не боялись селиться вдалеке от массы соотечественников [12; 21], а произойти это могло не ранее 70 – 80-х гг. Кроме того, следует учитывать и уровень административно-полицейского контроля территории, а о его достаточности не стоит говорить до рубежа 70-х и 80-х годов [26; 40]. То, что политика предпочтения больших групп водворяющихся перед малыми активно претворялась в жизнь доказывает тот факт, что крестьянские общества использовали довод о невозможности размещения нового селения на конкретном участке в качестве основания для претензии на этот участок [21; 48 — 48 об.].

Претворение в жизнь третьего аспекта также неоднозначно. Сама по себе стодесятинная норма посемейного наделения землёй крестьян давно стала расхожей формулой описаний и комментариев исследователей. Уже сто лет существует формула «старожилы-стодесятинники», подтверждая своим существованием последовательное претворение законодательной нормы наделения землёй. Но и здесь были свои нюансы, раскрывающие суть всей истории с гигантским наделом старожилов.

В ходе затянувшегося на долгие годы земельного спора южно-уссурийских деревень Кремовой и Осиновки надел первой был существенно понижен относительно нормы: «...в Кремовском наделе на 43 семьи имеется 2100 дес., годных для распашки т. е. на каждую семью более 45 дес., что вполне достаточно» [24; 71 об.]. Вместе с тем известно, что, например, в наделе никольского общества годных для распашки земель было до 100 дес. на семейный надел – т. е. 100% [12; 6 — 7, 13]. В данном случае

всё зависело от местности, в которой размещалось селение: поскольку «удобными» землями признавались лесистые, гористые и каменистые участки, то подлинно удобной земли для пашни по оценкам современников на 100 дес. приходилось подчас 37 – 60 дес. [27; 53] Таким образом налицо существенная разница в стартовых условиях разных селений и кроме того – вопиющий недобор земли у некоторых обществ.

При сопоставлении некоторых документов складывается представление о том, что русское крестьянство являлось одной из немногих социальных групп, которой не было необходимости доказывать своё право на землю. Так, при исполнении должностных обязанностей, землемеры в первую очередь должны были заниматься отводом именно крестьянских переселенческих земель [24; 11. 21; 37]. Кроме того, известна практика поселения русских крестьян на наделы китайцев, без законных оснований занимающих те или иные участки [9; 34]. Разумеется, что разработанная пашня была в чести у русских и переселенцы зачастую не отказывали себе воспользоваться этим правом, несмотря на достаточную площадь неосвоенных, целинных земель. Наконец, при выяснении нюансов правил приобретения земельных угодий в собственность, приморские чиновники выдвинули версию, вытекающую из законов, сводящуюся к тому, что «эти льготы относительно приобретения в собственность участков казенной земли и получения на оныя данных касается только сельских переселенцев, т. е. сословия податнаго» [28; 20 — 20 об.]. Естественно, что такое право имели не только крестьяне, однако показателен сам подход управленца к толкованию законов.

Итак, каким же образом можно охарактеризовать общий план и практику политики русской администрации Приморской области в отношении водворения крестьян-переселенцев во второй половине XIX в.? Очевиден приоритет политических целей не только на начальном этапе

русского заполнения территорий области, но и на следующих. Более того, многие меры только политическими мотивами и можно объяснить – например, льготы на приобретение в собственность земель только по Уссури или стодесятиный надел: собственно экономический смысл здесь отсутствует. Как это обычно бывает, практика оказывается гораздо шире и богаче теории. Именно это можно наблюдать в вопросе управления вселением в Приморскую область во второй половине XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. // Даль В. И. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. М.: ИДДК, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. Спб., 1893.
3. Барбенко Я. А. Аграрная колонизация юга Приморской области второй половины XIX в.: критерии оценки осваиваемой территории // Гуманитарные и социально-экономические аспекты обучения и воспитания кадров военно-морского флота: Сборник научных статей. Вып. восьмой. Владивосток: ТОВМИ, 2005. С. 113 — 118.
4. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993. 572 с.
5. Дегтярёв А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие.// Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века./ Отв. ред. А. Я. Дегтярёв. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1996. 688 с.
6. Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура.// Журнал предварительного междуведомственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи. Б. м. Б. г. Приложение №3.
7. Аргудяева Ю. В. Переселение русских крестьян в Приамурье (50 – 60-е гг. XIX в.).// Первые Муравьевские чтения. Владивосток:, 1999. С. 34 — 37.
8. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области./ Под ред. П. П. Семенова. СПб., 1894.
9. Буссе Ф. Ф. Переселение морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб., 1896.
10. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227.
11. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточную Сибирью. Т. VIII. Ч. II-я. Иркутск, 1884.
12. Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М., 1896.
13. РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 320.
14. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. 336 с.
15. Меньщиков А. А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятинники. Том. IV. (Описание селений.)

- Саратов, 1912.
16. Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. 316 с.
  17. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 112.
  18. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 857.
  19. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 637.
  20. ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 4А.
  21. ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 3.
  22. Михайлов Г. Существующая организация надзора за переселенческим делом в Уссурийском крае и желательныя в ней изменения. // Труды IV Хабаровскаго съезда. / Под ред. Н. В. Слюнина. Хабаровск: Б. и., 1903. Доклады и материалы. С. 100 — 107.
  23. ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 1.
  24. ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 2.
  25. Населённые места Приморской области в 1896 году. Составил врач И. С. Колбасюк, и. д. секретаря Приморского областного Статистического Комитета/ И. С. Колбасюк. Никольск-Уссурийский, Б. и., 1899.
  26. Шелудько В. О., Буяков А. Н., Черномаз В. А. Органы внутренних дел Приморья (1860 – 1917 годы). Владивосток: Дальнаука, 2004. 386 с.
  27. Любатович Б. С. Посъетский район. // Из истории сёл Посъетского района: Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2004. С. 51 — 63.
  28. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1083.